

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

М.Н. ЭПШТЕЙН

Все статьи оформлены единообразно: заглавное слово с ударением, его перевод на английский, дефиниция, примеры употребления.

Мы начнем **Проективный философский словарь** введением двух новых слов и понятий (словопонятий) — **морального («благоподлость»)** и **логико-лингвистического («инфиниция»)**. Мы покажем, как они наглядно синтезируются из анализа философских проблем и из уже существующих языковых элементов методом альтернативного переосмысления и перекombинирования. Тем самым явственно обозначится поворот от философии анализа к философии синтеза как преемственного усвоения и «снятия» актов анализа. Вообще в каждом моменте анализа заложена возможность нового синтеза. Где есть вычленимые элементы суждения, там возникает возможность иных суждений, иного сочетания элементов, а значит, и область новой мыслимости и сказуемости.

БЛАГОПОДЛОСТЬ

Суждение «глупость есть порок» может рассматриваться аналитически, в манере Джорджа Мура, одного из зачинателей английской лингвистической философии, как эквивалентное суждениям «я плохо отношусь к глупости» или «глупость вызывает у меня негативные эмоции». Синтетический подход к этому суждению проблематизирует его и потенцирует как основу для иных, альтернативных, более информативных и «удивляющих» суждений (как подчеркивал еще Аристотель, философия рождается из удивления и, как можно добавить, сама его порождает). Анализ сам по себе интеллектуально тривиален, тавтологичен, если он не ведет к попыткам новых синтезов.

Приведем возможную цепь синтезирующих вопросов и суждений. Всегда ли глупость — порок или в определенных ситуациях она может быть добродетелью? Если ум может служить орудием порока, то не может ли глупость служить орудием невинности? Если глупость используется как средство для достижения благих целей, может ли она считаться благом? Что такое «благоглупость», как сочетаются в ней добро и зло? Если возможна «благоглупость», то не возможна ли и «благоподлость»?

«Благоподлость» кажется сомнительным оксюмороном: если нехватка ума еще может сочетаться с благами намерениями, то

как быть с извращением воли? Можно ли предавать, насильничать, кощунствовать с благими намерениями? Очевидно, можно, и диапазон примеров очень широк: от Великого Инквизитора до Павлика Морозова. Великий Инквизитор (из романа Ф. Достоевского) во имя блага людей, их сытости и довольства, отнял у них тяжелый, мучительный дар Христа — дар свободы. Павлик Морозов, как и тысячи «настоящих советских людей», повинувшись внушенным ему представлениям об общественном благе, донес властям на своего отца, погубил деда, брата и других близких.

Таким образом, суждение «глупость есть порок», тривиальное как предмет анализа, может стать основой для синтеза далеко не тривиальных суждений и словообразований, таких, как «благоподлость». Наша формализация операций языкового синтеза включает символ ÷, знак логической бифуркации, альтернативы, выдвигаемой из анализа данного суждения. Те элементы суждения, которым предшествует знак ÷, являются переменными, и их альтернативы или вариации на следующей строке образуют новые суждения.

Исходное положение: глупость есть порок.

Глупость может быть ÷ пороком или, при определенных условиях, добродетелью.

Одно из условий добродетели — доброе, благое намерение.

Глупость может делаться с благими намерениями. *Благоглупость.*

Подлость может делаться с благими намерениями. *Благоподлость.*

Благоподлость (benemalence) — подлость, совершенная с благими намерениями, принимаемая или выдаваемая за нечто благотворное, за важное, полезное дело; «подлость во спасение» (как бывает «ложь во спасение»). Такими взрывчатыми оксюморонами полна действительность и XX, и XXI вв. Мы уже знаем, как революционный порыв к свободе приводит к величайшему рабству и как железной рукой загоняют человечество к счастью. Нам знакомы оруэлловские пропагандистское «министерство правды» и гэбистски-гестаповское «министерство любви». Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Эту иронию самой истории — да и повседневных житейских историй — может вобрать в себя новый оксюморон на тему «благо-». Вот ряд примеров возможного употребления этого концепта (здесь и далее все примеры принадлежат авторам словарных статей, за исключением особо оговоренных случаев):

«Разве не *благоподлость* во имя освобождения народа от тирании уничтожить этот самый народ — так что образцовая демокра-

тия становится для “освобождаемых” нераздельна с пытками и насилием?»

«Известная мудрость: (благая) цель оправдывает (любые) средства — в своем применении чаще всего сжимается в одно слово: *благоподлость*».

«Персонажи Ю. Трифонова ставятся в такую ситуацию, что они не могут поступить по совести — и не могут поступиться ею. В результате рождается моральный гибрид, *благоподлость*, где первое постепенно оттесняется вторым».

ИНФИНИЦИЯ

Приведем еще один пример синтеза нового словопонятия. «Дефиниция» — важный термин философии и лингвистики. Существует множество дефиниций «дефиниции» и таких ее разновидностей, как аналитическая, контекстуальная, координативная, по роду и виду, увещевающая, уточняющая, прескриптивная и др. дефиниции. Но поставим такой вопрос: все ли вещи или слова поддаются дефиниции? Можно ли определять то, что определить невозможно? И не может ли быть такой дефиниции, которая выявляла бы именно существенную неопределимость определяемого понятия? Такая дефиниция была бы определением и вместе с тем отрицанием определимости того, что она определяет.

Такой тип определения мы назовем **инфиницией**, *infinition*, в отличие от дефиниции, *definition*. Термин «инфиниция» — сращение двух слов, *definition* (определение) и *infinity* (бесконечность), происходящих от одного латинского корня *finis*, конец, предел. (По-русски «определение» и «беспределность», срастаясь, дают такое же по смыслу, но не столь удобопроизносимое слово «беспределение».)

Исходное положение: дефиниция — определение предмета или значения.

Предмет или значение могут быть ÷ определяемыми или неопределимыми.

Дефиниция — определение того, что определимо.

Инфиниция — определение того, что неопределимо.

ИнфинИция (*infinition*) — бесконечно отсроченная дефиниция, которая определяет некое понятие и вместе с тем указывает на его неопределимость. Инфиниция демонстрирует множественность возможных определений предмета и одновременно недостаточность каждого из них и невозможность полного определения как такового. Понятие инфиниции может быть связано с понятием актуальной бесконечности и парадоксами теории множеств у Кантора.

Инфиниция — это не только конструируемое нами сейчас понятие, это реальность, которую оно позволяет обнаруживать и заново оценивать во множестве классических и современных текстов. Инфинициями изобилуют писания Лао цзы, Чжуан-цзы и других даосистских мыслителей; сочинения по апофатической теологии, в частности, трактаты Псевдо-Дионисия Ареопагита; работы Жака Деррида и других последователей деконструкции. **Инфинировать** (to infinie) — «беспределять», снимать предел, откладывая определение, простирая его в бесконечность. Например, обычно **инфинируются** (а не дефинируются) такие понятия, как «Дао», «Бог», «différance», «деконструкция»...

Примеры инфиниций:

«Дао производит полноту и пустоту, но не есть ни полнота, ни пустота; оно производит увядание и упадок, но не есть ни увядание, ни упадок. Оно производит корни и ветви, но не есть ни корень, ни ветвь...». «Не-Начало сказало: Дао нельзя услышать: то, что можно услышать, не Оно. Дао нельзя увидеть: то, что можно увидеть, не Оно. Дао нельзя выразить в словах: то, что можно выразить в словах, не Оно. Знаем ли мы Бесформенное, которое дает форму форме? Таким же образом Дао не допускает быть названным» (*Чжуан-цзы*).

«Причина всего, сущая превыше всего, не есть нечто лишённое сущности, или жизни, или разумения, или ума; не есть тело, не имеет ни образа, ни лика, ни качества, ни количества, ни толщи, не пребывает в пространстве, незрима и неосязаема, неосязаема и не ощущает...» (*Псевдо-Дионисий Ареопагит*).

«Мы уже должны были отметить, что *différance* не есть, не существует, оно не есть присутствие-бытие в какой-либо форме; и нам придется также очертить все то, что оно не есть, то есть всё; и, следовательно, оно не имеет ни существования, ни сущности. Оно не исходит из какой-либо категории бытия, все равно — присутствия или отсутствия» (*Ж. Деррида. Différance*).

Точно также и деконструкция, по Деррида, не есть ни анализ, ни критика, ни метод, ни методология, ни набор правил, ни акт, ни операция, и, наконец: «Что не есть деконструкция? конечно, всё! Что есть деконструкция? конечно, ничто!» (*Ж. Деррида. Письмо к японскому другу*).

Основополагающие теологические и философские понятия, такие, как Бог, Единое, Сущее, Абсолют, Дух, Бытие, Любовь, подлежат инфинициям скорее, чем дефинициям. По сути, любая система мышления имеет в своем основании понятия, которые не могут быть определены в рамках данной системы, но используются для определения других, выводимых из них понятий. Такие системообразующие понятия-первоначала инфинируются,

включая указания на свою неопределимость. В каждой дисциплине есть тоже свои инфинируемые понятия, например, мудрость — в философии, слово — в лингвистике, душа — в психологии. В экзистенциальной психологии «я» — это функция ухода, смещения, саморефлексивной трансгрессии, предмет не дефиниции, а инфиниции («self» can be only *infinied*, not defined).

* * *

Подведем итог.

Синтез языка (language synthesis), или **конструктивный лингвоцентризм** (constructive linguocentrism), — это альтернатива преобладающему ныне в философии анализу языка, или деконструктивному лингвоцентризму. Это направление в гуманитарных науках, которое ставит своей задачей синтез новых терминов, понятий и суждений на основе их языкового анализа. Какое бы суждение (определение) мы ни взяли, каждый его элемент может быть поставлен под вопрос, и его замещение порождает новое суждение. Если анализ суждения находит в нем сочетание таких элементов, как *abc*, синтетическая процедура порождает сочетания *bca*, или *cba*, или *acb* — новую мыслимость, еще неопознанный ментальный объект, требующий своей интерпретации, нового акта анализа и последующего синтеза.

Г.В. Лейбниц полагал искусство синтеза более важным, чем анализ, и определял его как **алгебру качеств**, или **комбинаторику**, «в которой речь идет о формах вещей или формулах универсума, т.е. о *качестве* вообще, или о сходном и несходном, так как те или другие формулы происходят из взаимных комбинаций данных *a*, *b*, *c* и т.д., и эта наука отличается от алгебры, которая исходит из формул, приложимых к количеству, или из равного и неравного»⁵. Разумеется, синтез — это не только комбинаторика, это и **креаторика**, создание неизвестного на основе перекомбинации, переинтеграции известного; это новый уровень системной целостности всех прежних и заново вводимых знаков и их смысловых отношений.

Аналитические и синтетические процедуры в принципе **обратимы**. Каждый анализ может переходить в синтез, т.е. построение новых, альтернативных суждений, а также терминов, понятий, предложений, дефиниций, дисциплин, методов, мировоззрений. Уровень синтеза соотносится с уровнем анализа. Вся аналитическая философия может быть переведена на синтетический язык. Где вычленимы отдельные элементы суждения, там возможны и множественные их сочетания, большин-

ство которых описывает не существующее, а возможное положение вещей (state of affairs) — возможное в различных дискурсах, мировоззрениях, будущностях, виртуальных мирах, альтернативных областях знания. Каждый языковой синтез характеризует новое ментальное состояние, которое ищет своего соответствия в новых теоретических, политических, художественных, научно-технических практиках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (Кн. 2. III). — М.: Культурная революция, 2005. — С. 236.
- ² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. — СПб.: Алетейя, 1998. — С. 14 — 15.
- ³ Витгенштейн Л. Философские исследования. Фр. 23 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. — М.: Гнозис, 1994. — С. 90.
- ⁴ Учение Якова Абрамова в изложении его учеников / Сост. и Предисл. М.Н. Эпштейна // ЛОГОС. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. — Л.: ЛГУ, 1991. — С. 211.
- ⁵ Лейбниц Г.В. Об универсальном синтезе и анализе, или Об искусстве открытия и суждения // Лейбниц Г.В. Соч. В 4 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1984. — С. 122.